

Вячеслав Качалов

Дневник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Качалов

Дневник

«Автор»

2026

Качалов В.

Дневник / В. Качалов — «Автор», 2026

В заброшенной квартире, в тайнике за книжным стеллажом, лежал дневник. Вещь, которую никто не должен был найти. Вова не искал тайн — он просто делал свою работу. Но когда открыл первую страницу, то перестал быть просто клинером. Он стал читателем. А потом — кем-то ещё. Чужой голос зазвучал в его голове. Чужие желания начали прорастать сквозь его собственные. Гнев, который раньше можно было усмирить, теперь требует выхода. И женщина, которую он любит, смотрит на него так, словно знает то, чего не говорит. Правда ждёт на последних страницах. Но когда Вова до них доберётся, пути назад уже не будет. Потому что некоторые книги не рассказывают истории. Некоторые книги их создают.

Вячеслав Качалов

Дневник

Глава 1

Зайдя в курятник, фермер привычным движением откинул щеколду и принялся разбрасывать птичий корм. Жёлтые зёрна веером разлетелись по утопанному земляному полу, и курятник мгновенно ожил. Курицы-несушки, срываясь с насестов, с оглушительным кудахта-нием ринулись вниз, толкаясь крыльями и отпихивая друг друга. Клювы застучали по полу, как десятки маленьких молоточков.

Вова восседал на своём насесте — самом высоком, в дальнем углу, куда не долетали брызги грязи и куда не дотягивались клювы соседок. Он наблюдал за всей этой суетой свысока, слегка прикрыв глаза. В его взгляде, если бы куры умели читать куриные взгляды, читалась глубокая, почти философская усталость.

«Господи, ну сколько можно, дамы? — думал он, провожая глазами особо ретивую несушку, которая, растопырив крылья, буквально легла на корм, не подпуская остальных. — Каждый день одно и то же. Вы кидаетесь на этот корм, словно он последний в вашей жизни. Словно завтра не наступит. Словно фермер не придёт завтра с точно таким же ведром. Вы же несушки. Пока вы несёте яйца, вас будут кормить досыта. Это же базовый принцип. Это же азы.»

Если бы у Вовы была ладонь и если бы он мог ударить себя этой ладонью по лбу, он бы обязательно так и поступил. Вместо этого он лишь прикрыл глаза и тяжело вздохнул, что для курицы было почти подвигом.

Между тем настало время снести очередное яйцо. Вова чувствовал это. Ощущение было знакомым — слегка тянущее, сдавливающее где-то внутри, требующее концентрации. Он знал этот процесс до мелочей, ведь проделывал его уже очень много раз. Каждое утро, как по расписанию. Иногда даже дважды. Вова был ответственной несушкой.

Но сегодня что-то мешало.

Он никак не мог сосредоточиться. Что-то смущало его, отвлекало, не давало настроиться на привычный лад. Он замер, прислушиваясь к себе, пытаясь понять, в чём дело. А потом услышал.

Мелодия.

Сперва очень отдалённая — едва различимый ритмичный гул на самой границе восприятия. Но с каждой секундой она становилась всё громче, всё отчётливее. Тяжёлая музыка. Басы долбили по перепонкам, гитарные риффы нарастали, как приближающаяся гроза. Звуки мешали сосредоточиться на процессе откладывания яиц, и это раздражало Вову всё больше и больше.

Когда звуки достигли своего пика — оглушительного, вибрирующего, почти осязаемого, — Вова зажмурился и что есть силы стал тужиться, чтобы наконец отложить эти проклятые яйца, которые доставляли ему столько проблем этим утром.

Он открыл глаза.

Перед ним был не курятник. Перед ним был звонящий телефон.

Вова моргнул, возвращаясь в реальность. Сон. Это был сон. Дурацкий, нелепый сон про курятник, в который он проваливался каждую ночь уже которую неделю подряд. Он лежал в своей постели, в своей квартире, и на тумбочке вибрировал телефон, надрываясь тяжёлым роком, который Вова когда-то поставил на звонок, потому что считал это крутым.

Он вздохнул с облегчением. Он не съёл ни одного яйца. Следовательно, это утро ещё ничего не может омрачить. Маленькая победа.

А потом он взглянул на экран.

Настроение рухнуло, как курица с насеста. На синем экране горели два слова, которые открытым текстом сообщали: ближайшие дни будут отвратительными. «Екатерина Семёновна».

Вова сглотнул и провёл пальцем по экрану.

— Да, Екатерина Семёновна, я вас слушаю.

В ответ из трубки раздался вопль. Не крик, не возглас — именно вопль, пронзительный и громкий, какой могла бы издать разъярённая гарпия, заставшая в своём гнезде постороннего. Вова машинально отдернул телефон подальше от уха, инстинктивно пытаясь сохранить остатки слуха. Голос начальницы было слышно даже на расстоянии вытянутой руки — отдельные слова, вроде «безответственный», «лентяй» и «в последний раз», долетали до него, как пули.

Когда поток иссяк, Вова осторожно приблизил трубку обратно.

— Да, конечно, мне нужна эта работа, — заговорил он торопливо. — Я и сам уже хотел вам звонить. Нет, мне не приходила смска с адресом. Буду вам благодарен, если пришлёте ещё раз. И вам хорошего дня.

Он нажал отбой. Выдохнул. Посмотрел на погасший экран.

— Старая сука, — добавил он с чувством.

И тут же осёкся. Бросил неуверенный взгляд на телефон. Мысль, что он сказал последнюю фразу на долю секунды раньше, чем сбросил вызов, холодком пробежалась по спине. Несколько мгновений он сидел неподвижно, прислушиваясь, не раздастся ли повторный звонок — с новой порцией крика. Но телефон молчал. Пронесло. Наверное.

Вова откинулся на подушку и уставился в потолок.

Когда тебе двадцать три, кажется, что впереди ещё весь мир. Кажется, что у тебя куча времени, чтобы определиться и дать себе ответ на главный вопрос: «Кем я хочу стать, когда вырасту?». Но годы идут, а ответа всё нет.

Окончив одиннадцать классов, Вова не спешил поступать в институт. Сама мысль о том, чтобы снова сидеть за партой, зубрить лекции и сдавать экзамены, вызывала у него физическое отторжение. Он решил искать себя иначе — в движении, в смене мест и профессий. Сразу после восемнадцатого дня рождения он встал за праздничным столом в родительской квартире, поднял бокал с шампанским и объявил, что решил съехать и начать самостоятельную жизнь, полную приключений.

Эффект был предсказуем. У матери случилась истерика — слёзы, крики, угрозы наложить на себя руки. Она хваталась за сердце, причитала, что сын хочет её убить, и требовала у отца поддержки. Отец же, напротив, был спокоен. Он молча поднялся, достал из серванта початую бутылку водки, налил полную рюмку. Высоко поднял руку, поймал взгляд сына и одними губами прошептал: «За тебя, сынок». Выпил. Выдохнул. И больше ничего не сказал.

За пять последующих лет Вова побывал более чем в тридцати городах и сменил около пятидесяти профессий. Он был грузчиком в Новосибирске, официантом в Краснодаре, продавцом-консультантом в Казани, разнорабочим на стройке в Екатеринбурге, мойщиком машин во Владивостоке, оператором колл-центра в Ростове — список можно было продолжать бесконечно. Нигде он не задерживался дольше пары месяцев. Везде что-то шло не так: то начальник попадался идиот, то зарплату задерживали, то коллеги оказывались сволочами, то просто становилось скучно.

Пока в итоге не оказался здесь — в городе Н.

Город с населением чуть больше трёхсот тысяч. С высоким уровнем жизни, с относительно низким уровнем криминала, с чистыми улицами и ухоженными парками. Здесь Вова задержался. Расслабился. Нашёл работу и, как ему казалось, остепенился. Во всяком случае, он искренне в это верил.

Этот город полностью ему соответствовал. Такой же спокойный, размеренный, тихий и с первого взгляда абсолютно неагрессивный. Работу Вова нашёл под стать — такую же тихую, монотонную и не требующую особого напряжения: клининг в квартирах и домах.

«Клининг». Это модное слово непроизвольно вызывало у Вовы раздражение. Неужели нельзя говорить просто «уборка»? Но с другой стороны, он же не уборщица. Он — клинер. Звучит солиднее. Хотя для Екатерины Семёновны он всегда был и будет уборщицей. Она его так воспринимала, так называла за глаза, а иногда и в глаза, и вряд ли что-то могло это изменить. Впрочем, вполне заслуженно — пунктуальностью и трудолюбием Вова не отличался.

Получив наконец смс с адресом и краткими инструкциями, он выдвинулся на место. Автобус был душным и переполненным, несмотря на утреннее время. Вова сидел у окна, прижатый к стеклу какой-то грузной женщиной с хозяйственной сумкой, и думал о жизни.

Квартира, в которой предстояла уборка, находилась на окраине — в трущобах, где проживали низшие слои населения. Уровень криминала там был значительно выше, чем в районе,

где снимал жильё сам Вова. Он взвешивал все «за» и «против». С одной стороны, район так себе. С другой — работа есть работа. К тому же Екатерина Семёновна намекнула, что это его последний шанс проявить себя. Две предыдущие уборки он благополучно провалил: на одной забыл помыть окна, на вторую банально проспал. Третьего прокола начальница не потерпит.

Подъезд встретил его запахом кошачьей мочи и старых подгоревших котлет. Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком на пятый этаж. Нужная квартира нашлась в конце длинного, тускло освещённого коридора.

Вова отпер дверь ключом, который ему выдали в офисе, и вошёл.

В нос ударил затхлый запах — смесь пыли, старой ткани и чего-то ещё, неуловимого, похожего на запах давно покинутого жилья. Большой слой пыли на всех поверхностях подтверждал: здесь никто не жил уже очень давно. Год, может, два. А может, и больше.

Вова осмотрелся. Простой ремонт, уютно обставленная двухкомнатная квартира. Минимализм. Вот что здесь царило. Мебели — самый минимум, никаких лишних вещей, никакого хлама. Это значило, что не придётся двигать тяжеленные шкафы, рвать спину и проклинать всё на свете. Работу, на которую Екатерина Семёновна отвела два дня, он сможет сделать максимум часа за четыре. А значит, у него останется полтора дня покоя, тишины и возможности позаниматься своими делами. Или просто ничего не делать — что было его любимым занятием.

Вова улыбнулся. Такой расклад его более чем устраивал.

Он разложил чистящие средства и инструмент, надел маску, взял мусорный мешок и принялся за первую, самую приятную часть уборки — вынос всего, что попадает на глаза.

Это была, пожалуй, его любимая часть работы. Иногда среди хлама попадались полезные вещи, которые можно было использовать в собственном быту. Именно так у него дома появились набор посуды, кофемашина, блендер, соковыжималка, комплект столовых приборов, неплохая коллекция книг и ещё огромное количество вещей, которые другие люди по каким-то причинам решили оставить или выбросить. Вова не считал это мародёрством. Он считал это разумным потреблением.

Собрав мусор на кухне, он с грустью вздохнул. Здесь ему ничего не обломится. Одна ложка, одна вилка, одна тарелка, одна кастрюля. Все кухонные принадлежности были в единственном экземпляре. Либо тот, кто здесь жил, был очень одиноким человеком, либо до Вовы здесь уже кто-то побывал.

В надежде, что в комнатах повезёт больше, он прошёл в спальню. Обычно именно здесь люди хранят самое ценное. Вова имел неплохой приработок благодаря таким находкам. Чаще всего брошенные квартиры никто тщательно не осматривает — их приобретают на аукционе, заказывают комплексную уборку и быстренько перепродают. То, что осталось от прежних хозяев, обычно летит в мусор. И вот тут в дело вступал Вова — санитар леса, как он сам себя называл в такие моменты.

Но и здесь его ждало разочарование. Никаких ценностей. Ни забытых украшений, ни старой техники, ни антиквариата.

Он принялся перебирать книги. Иногда между страниц люди прячут деньги — закладки на чёрный день, о которых потом забывают. Или редкие издания, которые можно толкнуть за хорошую цену. Чем дольше Вова искал, тем ниже падало его настроение. Обычная макулатура. Дешёвые детективы, потрёпанная классика, какие-то старые журналы.

И тут его глаза заблестели.

Часть книжного стеллажа немного выпирала. Совсем чуть-чуть — обычный человек не заметил бы. Но Вова был не обычным человеком. У него был намётанный глаз на такие вещи. Он подковырнул угол ножом, и задняя стенка стеллажа подалась, открывая небольшое углубление.

Тайник.

Сердце забилось быстрее. Вова запустил руку внутрь, предвкушая добычу. Но пальцы нащупали лишь одну-единственную книгу в чёрном переплёте. Он вытащил её. Ни золота, ни денег. Просто книга. Толстая, формата А5, в коленкоровом переплёте.

Вова раскрыл её. Почерк. Мелкий, убористый, но разборчивый. Это был чей-то личный дневник.

Решив сделать небольшой перерыв, он завалился на кровать — старую, слегка скрипучую, но вполне удобную — и стал бегло листать. Первая половина дневника была скучной до зевоты: детские травмы, подростковые переживания, какие-то смешные неудачи, описание погоды, жалобы на одиночество. Обычные записи обычного человека. Вова уже хотел было бросить это пустое занятие и вернуться к работе, но тут его взгляд зацепился за одну запись.

Она была датирована 25 июня. Чуть меньше трёх лет назад.

«25 июня.

Дорогой друг, я сделал это...»

Вова пробежал глазами первые строчки и замер. А потом прочитал ещё раз. Медленно. Внимательно. Вдумываясь в каждое слово.

«Сам не ожидал, что так получится. Руки до сих пор трясутся. Я убил её... я убил Анжелику. Её тело всё ещё лежит в коридоре, а я боюсь выходить из комнаты.

Сегодня её день рождения, и, видимо, день её смерти. Я как ненормальный весь день бегал по магазинам, искал цветы, покупал продукты, вино, свечи — потратил почти всю зарплату. Купил серьги, о которых она давно мечтала. Вечер провёл за плитой: приготовил её любимое филе в сливочном соусе под сырной шубой, насыпал лепестки роз в ванну, распланировал пошагово весь вечер.

В 19:00 я стоял в прихожей с букетом лилий в ожидании любимой. В 19:30 я позвонил, чтобы узнать, когда она будет. Но она сбросила мой звонок. В 20:00 её телефон был уже отключён. В 22:00 я позвонил её подруге. Та, смеясь, сказала, что я олень и могу больше не ждать свою Анжелику. Я был в ярости, назвал её шлюхой и сбросил вызов.

Налив себе вина, я сел в кресло и постарался успокоиться. Алкоголь оказал нужный эффект, и я задремал.

В районе трёх ночи, услышав звук открывающейся двери, я схватил цветы и побежал встречать любимую. Но когда я увидел её — едва стоящую на ногах, растрёпанную, со смазанной на лице помадой, — внутри меня всё похолодело. В голове эхом звучал голос её подруги: „Олень“. На мой вопрос, где она была, она выпалила: „Трахалась. Хорошо трахалась“. А дальше — всё как в тумане. Когда пришёл в себя, первое, что я увидел, — её остекленевший взгляд и мои руки в крови. Дойдя на ватных ногах до кухни, я выпил залпом остатки вина, с трудом отмыл от крови руки и пришёл к тебе. Сейчас пишу и понимаю: мне стало легче. Спасибо тебе, дорогой друг. Немного посижу и буду думать, что мне делать дальше».

Чем дальше Вова читал, тем больше округлялись его глаза. Дочитав страницу до конца, он вскочил с кровати. Дневник выпал из рук и шлёпнулся на пол, но Вова даже не заметил этого. Он уже бежал в коридор.

Принялся ощупывать стены. Внимательно осматривать дверные косяки. Заглядывать во все щели и углы.

— Не может быть, — шептал он себе под нос, — неужели он реально это здесь сделал... Не может быть...

Осмотрев всё самым тщательным образом, он не нашёл ничего, кроме пары вмятин на дверном косяке. Они могли остаться от чего угодно — от удара локтем, от мебели, от чего угодно. Но Вова уже знал. Знал, что это за вмятины.

Он вернулся в комнату. Поднял дневник. Посмотрел на него так, словно держал в руках не книгу, а бомбу.

Пряча дневник в рюкзак, он принял решение. На сегодня работа окончена. Всё остальное подождёт. Мысли его упорно возвращались к прочитанному, и работать в таком состоянии было невозможно. Любопытство пересилило желание трудиться, ответственность и даже страх перед Екатериной Семёновной. Собрав на скорую руку вещи, Вова запер квартиру и двинулся в сторону дома.

Всю дорогу он думал только об одном: что ещё написано в этом дневнике?

Глава 2

Тёмной ночью Вова прогуливался по кладбищу. Откуда-то взялся туман — густой, белёсый, он стелился вдоль могил, пробирая холодом до самых костей. Непроизвольно Вова поёжился. Что он здесь забыл? Могилы, заросшие мхом, покосившиеся кресты, давящая тишина — всё окружение буквально молча орало: «Убейся. Тебе здесь не рады».

Он шёл, сам не зная куда. Ноги несли его по узкой тропинке между надгробий, а мозг отчаянно пытался проснуться и не мог. Пройдя ещё немного, Вова остановился. Его взгляд

упал на заросшую травой могилу — старую, заброшенную, с покосившимся памятником. Что-то в этом памятнике было знакомое. Что-то почти родное.

Он подошёл ближе. Наклонился, чтобы прочитать надгробную надпись. И побледнел.

На могильном камне было выбито его имя.

Вова смотрел на свою могилу. В висках застучало, воздух стал густым и вязким. А потом земля на могиле вздрогнула. С глухим, утробным треском она разверзлась, и оттуда — чёрная, покрытая слизью, с обломанными ногтями — вырвалась рука. Мёртвая хватка сомкнулась на его лодыжке.

Вова закричал.

Лежа в собственной кровати, он продолжал кричать, но уже больше по инерции. Голосовые связки работали сами по себе, а лёгкие выталкивали воздух, хотя надобности в этом уже не было. До него наконец дошло, что это был сон. Всего лишь сон. Но ужас, сковавший его во сне, продолжал действовать и в реальности — сердце колотилось где-то в горле, а руки дрожали.

Наконец открыв глаза и выглянув в окно, Вова поморщился. В глаза бил яркий солнечный свет. Утро. Позднее утро, судя по тому, как высоко поднялось солнце.

Мокрая от пота постель неприятно липла к телу, напоминая о пробирающем до костей тумане из сна. Вову передёрнуло. Он поднялся, стянул простыню, пододеяльник, наволочку — всё отправилось в стирку. В запасе было ещё пара дней, чтобы закончить работу над квартирой. Можно было не торопиться.

Приняв душ и натянув на себя чистую футболку, он полез в рюкзак за дневником. Тот лежал на дне, тёмный и молчаливый, как бомба с часовым механизмом. Вова достал его, повертел в руках. Поставил на плиту чайник, завалился на диван и открыл там, где остановился вчера.

«27 июня.

Сегодня наконец-то до конца избавился от трупа. Дорогой друг, если я когда-нибудь захочу ещё кого-то убить в своей квартире, пожалуйста, отговори меня. Избавиться от тела нереально сложно.

Придя в себя в тот день, я первым делом её раздел и перетащил тело в ванную. Немного неожиданным для меня было отсутствие сексуального желания. Ведь пока она была жива, я просто с ума сходил по её телу. Безумно хотел каждый раз, стоило ей хоть немного оголиться. Закинув тело в ванну, я собрал вещи в пакет и лёг спать.

Утром я собрал весь мусор, взял пакет с вещами и пошёл до магазина. Сжёгши пакет с вещами за мусоркой, я больше всего переживал, что за мной кто-то наблюдает. В строительном магазине взял пилу — но пришлось потом возвращаться и брать пилу по металлу. Обычная пила по дереву не подходит для распиливания костей. Пришлось ещё подкупить пару ножей для разделки мяса и точильный камень. По итогу я в магазины бегал трижды, подкупая неочи-

данно нужные вещи. Очередным неожиданным открытием для меня стало, что волосы замечательно растворяет очиститель для труб в гранулах, если его залить кипятком.

Первым делом я отмыл коридор, вычистив всё до блеска. Трижды проверил все возможные варианты попадания капель крови и, убедившись в чистоте, отправился в ванную. Разделить тело не особо сложно, если относиться к этому как к разделке мяса. Сперва по хрящам и суставам отделяешь руки, ноги и голову от тела. В итоге у тебя получается ровно двенадцать частей — плюс тело и голова».

Вова настолько увлёкся чтением, что звук свистка чайника заставил его подпрыгнуть на месте. Он выругался сквозь зубы, отложил дневник и пошёл на кухню. Налил себе кофе — большую кружку, с двумя ложками сахара. Сделал глоток. И внезапно почувствовал на языке металлический вкус.

Странно. Кофе был свежий, кружка чистая. Он прополоскал рот, сделал ещё глоток. Вкус остался. Лёгкий, едва уловимый, но отчётливо металлический.

Вова пожал плечами и вернулся на диван.

«С телом особо проблем не возникло. Отделяя мясо от костей, я складывал его в разные пакеты. Отдельно пакет для груди, отдельно для мяса со спины. Внутренние органы отправились в третий пакет. Их предстояло отдельно измельчить. По итогу у меня получилось двадцать пакетов с мясом со всех частей тела, пакет с потрохами и скелет с головой, над которыми ещё предстояла работа.

Время близилось к обеду. Закинув большую часть мяса в холодильник, я взял кусок мяса со спины. Любопытство играло нереальной дрожью, пробивая электричеством кончики пальцев. Нарезав мясо на маленькие кусочки, я отправил его на сковородку, следом пошёл лук и болгарский перец. В конце я добавил немного устричного соуса и буквально маленький перчик чили — для пикантной остроты...»

Вова сглотнул. Рот его непроизвольно наполнился слюной, а желудок заурчал, напоминая, что сегодня в нём, кроме кофе, ещё ничего не было. Он попытался отогнать наваждение. Не получилось. Рецепт, описанный в дневнике, звучал до отвращения аппетитно.

Наспех одевшись, он рванул в ближайший магазин. Пролетел по прилавкам как ураган, сгребая свинину, лук, болгарский перец, устричный соус и маленький перчик чили. Вернулся домой, тяжело дыша. И принялся за готовку.

Мелко нарезав кусок свинины, он отправил её на сковородку. Зашипело масло, запахло жареным. Следом пошёл лук, потом болгарский перец. Вова старался максимально точно повторить рецепт из дневника. В конце добавил устричный соус и крошечный кусочек перца чили.

Выложил на тарелку. Закрыв глаза. Вдохнул аромат.

Насадил кусочек мяса на вилку и отправил в рот. Медленно, почти благоговейно стал пережёвывать, наслаждаясь вкусом и мягкой, тающей во рту структурой. Свинина. Или не свинина? Фантазия активно подсовывала картины: вот продавец в магазине под видом свинины

на самом деле продаёт человеческое мясо. Вот кусок, который сейчас во рту у Вовы, когда-то был частью чьей-то ноги. Или руки. Или...

Он открыл глаза. Выматерился. Отбросил вилку.

Волна отвращения к себе — за эту минутную слабость, за полученное удовольствие — накатила, словно цунами, смывая все приятные чувства и эмоции, оставив только горечь послевкусия. Остатки свинины Вова ел уже без энтузиазма. Еда казалась пресной и безвкусной. В итоге, не доев до конца, он отправил остатки вместе с тарелкой в мусорку.

Взял кружку с остывшим кофе, сел на диван и продолжил чтение.

«... Попробовав мясо, скажу честно — мне не понравилось. Слишком жёсткое. Возможно, стоило подольше потушить. Или просто кусок мяса оказался неудачным.

Помыв посуду и немного отдохнув перед телевизором, я вернулся в ванную, чтобы наконец закончить с разделением и распилом костей. Плюс надо было что-то решать с головой. Взяв нож, я разделил каждый палец по фалангам. Начав пилить бедренную кость, я осознал, что пила по дереву не подходит для этого. Она просто вязла в остатках мышц и сухожилий. Пришлось идти в магазин за пилой по металлу и, перед тем как пилить, хорошенько зачищать кость ножом.

На все дальнейшие процессы я потратил остатки дня. Самым сложным оказалось избавиться от головы и части костей. Мой изначальный план скормить всё собакам был хорош, но он не работал в плане кистей и стоп. Пришлось импровизировать. Я вспомнил, что щёлочь хорошо всё растворяет. Закупил очиститель для труб и, согласно рецепту из интернета, в кастрюле из нержавеющей стали сварил щелочной сироп. Закинув туда голову и кости, я побежал оперативно открывать окна и включать вытяжку. Кухня заполнилась едким запахом испаряющейся химии с примесью ароматов канализации. Но, как по итогу оказалось, способ был не только рабочий, но и достаточно быстрый. За пару часов мне удалось уничтожить часть костей и голову. Нейтрализовав раствор хорошей порцией уксуса, я разлил всё по пластиковым бутылкам и вылил в ближайшую реку. А бутылки сжёг там же на берегу, выбросив расплавленный пластик в мусорку».

Вова резко сел на краю дивана. Пальцы его нервно застучали по бедру. Глаза бешено забегали по комнате, ни на чём не фокусируясь. Вид у него был откровенно нервный.

Резко поднявшись, он быстрым шагом рванул на кухню. Достал из шкафа кастрюлю. Засыпал в неё «Крота» — того самого очистителя для труб. Вынул из морозилки свиные кости, оставшиеся от вчерашнего ужина, и закинул их туда же. Включил огонь на максимум. Открыл окна.

Через пятнадцать минут вода закипела. Едкий запах пополз по кухне, но Вова не двинулся с места. Он сидел и смотрел, как в кастрюле варится щелочной сироп. Через час вода превратилась в мутное, густое варево, растворившее в себе плоть, кровь и кости — словно их никогда и не было.

Залив содержимое кастрюли уксусом, он вылил всё в унитаз. Смыл. Отмыл кастрюлю до блеска. Навёл порядок на кухне. Потом сделал себе чай, сел за стол и продолжил чтение.

«29 июня.

Сегодня был в полиции. Отвратительное место. Стены буквально давят на тебя. За толстым стеклом сидит сурового вида полицейский. Мне пришлось слегка повысить голос, чтобы он оторвался от видео в телефоне и хотя бы взглянул на меня.

После того как я объяснил, зачем сюда припёрся, меня проводили в кабинет, где с безразличными глазами толстый следователь молча кинул мне лист бумаги с ручкой. Написав заявление, я протянул его следователю. Не поднимая на меня глаз, он быстро пробежался по тексту. Наконец взглянув на меня и тяжело вздохнув, приступил к допросу. Спрашивал всякую ерунду. Но я постарался максимально выставить себя тряпкой и подкаблучником, который очень сильно переживает за свою „Заю“. В какой-то момент я даже пустил небольшую слезу. Это вконец убедило следователя в моей невиновности. Под конец он даже презрительно хмыкнул и вместо „До свидания“ сказал: „Свободен“.

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнул воздух полной грудью. Надеюсь, мне поверили. Я планирую ещё долгое время наслаждаться этими запахами».

Вова отложил дневник. За окном сгущались сумерки. Он сидел на кухне, обхватив кружку с остывшим чаем обеими руками, и смотрел в одну точку.

Человек, написавший это, убил свою девушку. Расчленил её. Съел часть тела. Растворил кости в щёлочи. Пришёл в полицию и написал заявление о пропаже — чтобы отвести от себя подозрения. И ему поверили.

И этот человек до сих пор на свободе.

Вова медленно перевернул страницу.

Глава 3

Вова, перевернув девушку на живот и разорвав на ней трусы, вошёл в неё резко и жёстко. Она вскрикнула — коротко, от боли. Но он не остановился. Стон боли постепенно сменился стоном наслаждения, и это только подстегнуло его. Он наращивал темп — грубо, безжалостно, не думая о ней. Потом его рука легла ей на шею. Пальцы сомкнулись, перекрывая дыхание.

Девушка захрипела. Тело её напряглось, она попыталась вырваться, забилась под ним — но под весом Вовы, прижимавшего её к кровати, у неё не было никаких шансов. Движения её становились всё слабее, судороги — реже.

В какой-то момент тело обмякло.

И тогда у Вовы случился самый сильный и яркий оргазм в его жизни.

Он открыл глаза и уставился в потолок. Пот лил с него градом. Сердце колотилось где-то в горле, простыня была мокрой насквозь, а в паху расплзлось липкое, горячее пятно.

Вова понял, что только что кончил себе в трусы.

— Да твою ж мать, — прошептал он в пустоту.

Такого с ним не случалось с подросткового возраста — лет с четырнадцати, не позже. Он лежал неподвижно, переваривая случившееся. Сон. Это был всего лишь сон. Но какой-то слишком реальный. Слишком детальный. Он до сих пор чувствовал на ладони фантомное тепло чужой шеи.

Закинув трусы в стирку и приняв душ, Вова стал собираться на работу. Вода помогла немного прийти в себя, смыла липкий пот и остатки кошмара. Он решил сегодня до конца добить объект — хватит уже откладывать. Екатерина Семёновна и так на взводе. Ещё один промах — и можно паковать вещи.

Накинув куртку, он вышел из дома. Утро встретило его серым небом и прохладным ветром. Осень вступала в свои права.

Запрыгнув в автобус, Вова привычно прошёл в самый конец салона, где было меньше всего народу. Сел, достал дневник. Раскрыл.

И тут же закрыл.

К нему подошла кондуктор. Этаким шар — одинакового диаметра что вширь, что в высоту. Форменная жилетка туго обтягивала её необъятное тело, а лицо выражало вселенскую усталость пополам с готовностью к бою.

Вова молча протянул карту. Кондуктор приложила её к терминалу, дождалась писка и уже собиралась идти дальше, но взгляд её упал на школьника, сидевшего через ряд.

Пацану на вид было не больше десяти лет. Худой, светловолосый, с большими испуганными глазами. Огромный портфель — явно не по размеру — стоял рядом, как верный, но слишком тяжёлый друг.

— Школьный билет! — потребовала кондуктор. Голос её прозвучал как команда «К бою!».

— Я его дома забыл, — пролепетал мальчик. Голос у него дрогнул.

— А голову ты дома не забыл? — лицо кондуктора мгновенно стало багровым, на лбу вздулась жила. — Либо оплачивай полный проезд, либо выходи!

— Но у меня больше нет денег... — казалось, мальчик вот-вот разрыдается. Губы его задрожали, он втянул голову в плечи, словно пытаясь стать меньше.

Вове стало жалко паренька. Он отложил дневник и подался вперёд.

— Женщина, вы бы были помягче. Ну забыл он школьный билет. И что? По нему же видно, что он школьник. Или вы думаете, вас пытается надурить карлик, одевшийся ребёнком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.